

Влияние кризиса на финансовый результат деятельности угольной отрасли

DOI: <http://dx.doi.org/10.18796/0041-5790-2022-11-62-68>

САВОН Д.Ю.

Доктор экон. наук,
профессор кафедры
«Промышленный менеджмент»
НИТУ «МИСус»,
119991, г. Москва,
e-mail: di199@yandex.ru

САФРОНОВ А.Е.

Доктор экон. наук,
профессор кафедры
«Менеджмент и бизнес-технологии»
ФГБОУ ВО «Донской государственный
технический университет»,
344010, г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: reception@dstu.edu.ru

ВИХРОВА Н.О.

Канд. экон. наук,
доцент кафедры «Экономика»
НИТУ «МИСус»,
119991, г. Москва, Россия,
e-mail: natalia.vichrova@yandex.ru

КРУЖКОВА Г.В.

Канд. экон. наук,
доцент кафедры
«Инженерная кибернетика»
НИТУ «МИСус»,
119991, г. Москва, Россия,
e-mail: g.kruzhkova@misis.ru

ГОНЧАРОВ М.С.

Аспирант, НИТУ «МИСус»,
119049, Москва, Россия,
e-mail: GovMaxim@outlook.com

Целью работы является выработка мер поддержки угольной отрасли в период кризисов несистемного характера, одним из которых стал кризис 2020-2021 гг., обусловленный пандемией COVID-19. Объектом исследования является угольная промышленность России как совокупность предприятий, занимающихся добычей и обогащением угля. Предметом исследования является влияние кризиса на финансовый результат работы отрасли. В работе выявлены и систематизированы факторы кризиса и проведен анализ его влияния на финансовый результат работы отрасли и отдельных групп предприятий. Установлены группы предприятий, финансовые результаты которых в наибольшей степени ухудшились. По результатам проведенного анализа предложена схема управления денежными потоками, направленная на минимизацию негативного влияния кризиса на операционную, финансовую и инвестиционную деятельность.

Ключевые слова: угольная промышленность России, пандемия COVID-19, факторы кризиса, финансовый результат, денежные потоки.

Для цитирования: Влияние кризиса на финансовый результат деятельности угольной отрасли / Д.Ю. Савон, А.Е. Сафронов, Н.О. Вихрова и др. // Уголь. 2022. № 11. С. 62-68. DOI: 10.18796/0041-5790-2022-11-62-68.

ВВЕДЕНИЕ

Пандемия COVID-19 спровоцировала глобальный экономический кризис, затронувший практически все отрасли экономики. В зависимости от характера пандемии менялись ограничительные меры. Они варьировались от невмешательства в экономику до снижения экономической активности. Последнее достигалось путем социальной изоляции и ограничения работы второстепенных предприятий. Кроме того, оказывалась поддержка наиболее уязвимым экономическим субъектам. Для этого применялись методы законодательной, фискальной и монетарной политики. Соответственно, последствия кризиса неравномерно распределялись среди государств, фирм и домохозяйств.

Кризис затронул и угольную промышленность. Часть работников оказалась в вынужденном простое, связанном с пандемией. Случаи заболевания среди работников предприятий влекли за собой продолжительную самоизоляцию. Пренебрегая издержками упущенной выгоды, предприятия минимизировали использование труда работников, наиболее уязвимых к заболеванию. Все это не могло не отразиться на объеме добычи угля в Российской Федерации, который в 2020 г. снизился на 9,3% по сравнению с годом ранее [1, с. 10]. Под влиянием пандемии оказалось не только предложение, но и спрос. Только в 2020 г. отгрузка российских углей на внутренний и внешний рынки снизилась на 3,3 и 4,1% соответственно к уровню прошлого года [1, с. 15].

Проявления кризиса повлияли на доходы и расходы отдельных предприятий, что в конечном итоге определило финансовый результат рабо-

ты отрасли в целом. Анализ отраслевой структуры формирования финансового результата позволит выявить в ней наиболее уязвимые места и предложить схему точечной поддержки хозяйствующих субъектов. Эта задача не теряет свою актуальность и в настоящее время, когда влияние пандемии существенно снизилось, ведь наличие обоснованных схем поддержки позволит повысить устойчивость отрасли к подобным кризисам в будущем.

ОТРАСЛЕВАЯ СПЕЦИФИКА КРИЗИСА

Кризис, вызванный пандемией COVID-19, по своей природе обусловлен внешними по отношению к отрасли факторами. Однако специфика протекания кризисных процессов в угольной промышленности обусловлена, в частности, и внутриотраслевыми факторами. Поэтому целесообразно рассмотреть факторы в совокупности, для чего воспользуемся принципом движения «от общего к частному». В процессе рассмотрения будет произведен переход от глобальных к отраслевым, а затем и к микроэкономическим факторам кризиса, между которыми прослеживается определенная взаимосвязь.

К глобальным факторам кризиса относятся вялая конъюнктура мирового рынка угля и угольной продукции, декарбонизация и переход к возобновляемым источникам энергии (ВИЭ), сокращающаяся роль угольной генерации в некоторых регионах мира, падение предпринимательской активности в смежных отраслях, геополитические факторы и другие [2, с. 88; 3, с. 90; 4, с. 6; 5, с. 467]. Из глобальных факторов кризиса проистекает ряд отраслевых факторов. При этом есть самостоятельные отраслевые

факторы кризиса, не зависящие от глобальных. К отраслевым факторам кризиса относятся логистические ограничения железнодорожной и портовой инфраструктур, неопределенный характер изменений тарифов на перевозку угля, высокий уровень износа горношахтного оборудования, зависимость от импортных поставок такого оборудования и другие факторы [6, с. 21; 7, с. 63; 8, с. 38; 9, с. 65]. К проявляющимся на микроуровне факторам кризиса относятся временная потеря трудоспособности части работников, срыв сроков реализации инвестиционных проектов, нарушение сроков и объемов поставок, возникновение кассовых разрывов и другие факторы.

Очевидно, что не все указанные факторы непосредственно обусловлены пандемией COVID-19. Например, на конъюнктуру рынка энергетического угля повлияли как падение спроса со стороны энергокомпаний, так и переход потребителей к газовой генерации, себестоимость которой существенно снизилась в этот период [10, с. 108; 11, с. 149]. Поэтому предлагается разделить факторы кризиса на две группы: основные и комплементарные (рис. 1).

Под основными будем понимать те факторы, которые существовали до начала пандемии либо проявились в период пандемии, но не были обусловлены ею. Под комплементарными будем понимать факторы, возникшие вследствие пандемии. Взаимосвязь между основными и комплементарными факторами зачастую заключается в том, что последние усиливают влияние первых, то есть являются катализаторами уже существующих в отрасли процессов. Например, торгово-логистические ограни-

УРОВЕНЬ ПРОЯВЛЕНИЯ ФАКТОРА		
глобальный уровень	отраслевой уровень	микроуровень
<p>основные факторы</p> <ul style="list-style-type: none"> усиливающаяся конкуренция на традиционных энергетических рынках, обусловленная тенденцией к переходу потребителей к использованию ВИЭ декарбонизация энергетики для минимизации темпов климатических изменений (глобального потепления, роста содержания парниковых газов в атмосфере и др.) ужесточение экологических норм по содержанию в угле вредных веществ наряду со становлением экологической ответственности – одной из составных частей деловой репутации компаний <p>комплементарные факторы</p> <ul style="list-style-type: none"> социально-экономические меры, введенные директивными органами в период пандемии, которые выражены в социальной изоляции, ограничении второстепенных предприятий, торгово-логистических ограничениях работа субъектов экономики в неблагоприятной эпидемиологической ситуации, влекущей социальные риски в отсутствие действенных способов противодействия патогену 	<p>основные факторы</p> <ul style="list-style-type: none"> спад привлекательности проектов для инвесторов, сдвиг сроков по текущим проектам до момента выхода из кризиса и перехода к благоприятной экономической ситуации высокие тарифы на перевозку угля по железнодорожной инфраструктуре и недостаточная пропускная способность портов и железных дорог высокие отраслевые риски являются основанием повышения требований к заемщику или отказа в заемном кредитовании <p>комплементарные факторы</p> <ul style="list-style-type: none"> введенные ограничения приводят к снижению спроса на электроэнергию, что влечет за собой снижение спроса на уголь, необходимый для выработки высокая зависимость от экспортных поставок, которые сокращаются в связи с вводимыми торгово-логистическими ограничениями ряда стран перебои в поставках импортного оборудования, машин и механизмов, а также комплектующих деталей к ним, необходимых для предприятий отрасли 	<p>основные факторы</p> <ul style="list-style-type: none"> увеличение финансовой нагрузки, вынужденное сокращение расходов и ухудшение других показателей работы предприятия недостижение запланированных операционных, а также финансовых показателей, влекущее возникновение кассовых разрывов, и проблемы с обслуживанием своих обязательств <p>комплементарные факторы</p> <ul style="list-style-type: none"> рост внеплановых затрат на обеспечение индивидуальной защиты работников и реализацию прочих профилактических мероприятий приостановка работы предприятия либо отдельных структурных единиц предприятия по причине вспышки заболевания среди работников новые требования к режиму труда работников, перевод части работников на удаленный режим, сокращение расходов на оплату труда либо высвобождение части работников <p>Легенда:</p> <ul style="list-style-type: none"> – стрессовый фактор – лимитирующий фактор

Источник: составлено авторами самостоятельно с использованием источников [2, 3, 6]

Рис. 1. Схематическая классификация факторов кризиса по уровню проявления и характеру воздействия

чения ряда стран послужили толчком к усилению конкуренции на международном рынке угля, а введенные в период пандемии социальные ограничения стали для предприятий еще одним стимулом к технологическому перевооружению в контексте четвертой промышленной революции.

Обусловленные пандемией комплементарные факторы по характеру воздействия являются лимитирующими, то есть сдерживающими развитие угольной промышленности в краткосрочном периоде. Среди факторов, не связанных с пандемией, выделяются не только лимитирующие, но еще и стрессовые факторы. Рассмотренные факторы кризиса характеризуются преимущественно экзогенным происхождением, поэтому отдельно взятые предприятия существенно ограничены в инструментах противодействия. Можно констатировать, что совокупность основных и комплементарных факторов, вызвала кумулятивный эффект ухудшения отраслевого финансового результата. Проанализируем этот эффект.

АНАЛИЗ ФИНАНСОВОГО РЕЗУЛЬТАТА

Источником данных для анализа послужила финансовая отчетность юридических лиц, осуществляющих деятельность по добыче и (или) обогащению угля [12]. Число таких юридических лиц составило 215 ед., в том числе 69 субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП). В соответствии с ЕГРЮЛ и государственным реестром участков недр и лицензий из всех этих юридических лиц только добычей каменного угля заняты 122 юридических лица, только добычей бурого угля заняты 43 юридических лица, только обогащением угля занято 18 юридических лиц, а оставшиеся 32 юридических лица осуществляют сразу несколько из этих видов деятельности в различных комбинациях. Все эти юридические лица владеют активами в виде 63 угольных шахт, 132 разрезов и 56 обогатительных фабрик.

Доходы всех анализируемых юридических лиц в 2020 г. составили 1431,5 млрд руб. (–10,7% к 2019 г.), а расходы составили 1478,1 млрд руб. (–2,5% к 2019 г.), в результате чего отрасль получила чистый убыток в размере 46,6 млрд руб. В 2018 и 2019 годах отрасль получила чистую прибыль соответственно в размерах 194,9 и 87,3 млрд руб. Следует отметить, что полученный в 2020 г. убыток прежде всего был обусловлен снижением доходов от обычных видов деятельности на 257,9 млрд руб. (–18,5% к 2019 г.), а также ростом прочих расходов на 115,9 млрд руб. (+59% к 2019 г.), в то время как суммарные изменения по другим статьям доходов и расходов не позволили упасть чистой прибыли еще на 239,8 млрд руб.

Установлено, что в 2020 г. более половины юридических лиц получили чистый убыток, причем число убыточных организаций увеличилось практически в полтора раза по сравнению с 2019 г. Число убыточных организаций составило 118 ед., в то время как число прибыльных организаций – 97 ед. Чистый убыток всех убыточных организаций составил 136,9 млрд руб. (+94 млрд руб. к 2019 г.), а чистая прибыль всех прибыльных организаций составила 90,3 млрд руб. (–39,9 млрд руб. к 2019 г.). Наиболь-

ший чистый убыток в 2020 г. получили ПАО «Южный Кузбасс» (22,4 млрд руб.), АО «СУЭК-Кузбасс» (19,9 млрд руб.), ООО «Сибэнергоуголь» (9,1 млрд руб.), АО «УК «Кузбасс-разрезуголь» (7,8 млрд руб.) и ООО «Шахта «Бутовская» (7,2 млрд руб.).

В 2020 г. чистую прибыль в размере 10,2 млрд руб. получили юридические лица, занимающиеся обогащением угля, причем она увеличилась по сравнению с прошлым годом на 7 млрд руб. Также чистую прибыль в размере 2,4 млрд руб. (–8,7 млрд руб. к 2019 г.) получили юридические лица, занимающиеся добычей бурого угля. Чистый убыток в размере 23,2 млрд руб. (–137,9 млрд руб. к 2019 г.) получили юридические лица, занимающиеся добычей каменного угля. Юридические лица, занимающиеся несколькими видами деятельности, получили наибольший среди остальных групп убыток в размере 36 млрд руб. (–47,7 млрд руб. к 2019 г.).

Экономические последствия кризиса привели к тому, что доходность некоторых юридических лиц стала недостаточной для погашения их кредиторской задолженности. Под угрозой оказались платежи поставщикам и подрядчикам, выплаты дивидендов акционерам, погашение банковских кредитов и расчеты с прочими кредиторами. Введенный мораторий на возбуждение дел о банкротстве ограничил кредиторов в праве инициировать банкротство отдельных должников¹. Однако есть компании, чрезмерная долговая нагрузка которых привела к процедуре банкротства. К таким юридическим лицам относятся ООО «Шахта «Бутовская», ООО «ГОФ Прокопьевская», ООО «РОВЕР», ООО «Энергоуголь», АО «Разрез «Инской», ООО «Шахтоуправление Карагайлинское» и некоторые другие.

Кризис затронул не только операционный и финансовый денежные потоки, но и инвестиционный поток, о влиянии на который можно судить по проблемам с реализацией инвестиционных проектов. Компании отказывались от реализации проектов с длительным сроком окупаемости или сдвигали сроки их реализации. К примеру, в период кризиса АО «СУПК» приостановило строительство объездной дороги вокруг поселка Тайжина, АО «ТЭПК» приостановило концессию по строительству железнодорожной линии Элегест – Кызыл – Курагино для вывоза угля с Элегестского месторождения, ПАО «НЛМК» досрочно прекратило право пользования по лицензии «Разведка и добыча каменного угля» на Усинском месторождении.

За рассматриваемый период отрасль получила чистый убыток только в 2020 г. В следующем 2021 г. отмечается рост доходной части на 1025,7 млрд руб. (+71,7% к 2020 г.), а также расходной части на 386,7 млрд руб. (+26,2% к 2020 г.). В результате этого чистая прибыль отрасли составила 592,4 млрд руб. Число убыточных организаций в 2021 г. составило 55 ед. В 2021 г. отмечаются рост доходной части и сокращение расходной части финансового результата по всем группам юридических лиц.

¹ Постановление Правительства РФ от 03.04.2020 № 428 «О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлению кредиторов в отношении отдельных должников». URL: <https://docs.cntd.ru/document/564602961> (дата обращения: 15.10.2022).

В 2021 г. насчитывается 159 юридических лиц, продемонстрировавших рост выручки по сравнению с прошлым годом, в то время как в 2020 г. было лишь 59 таких юридических лиц. За период с 2018 по 2021 г. 20 юридических лиц продемонстрировали стабильный рост выручки, а стабильный рост чистой прибыли был только у пяти юридических лиц. К таким юридическим лицам относятся ООО ЦОФ «Краснокаменская», АО «Амурголь», ООО «ВМС-Групп», ОАО «СГТП» и ООО «Шиткинский разрез».

В 2021 г. затраты на 1 рубль реализованной продукции достигли минимального значения за рассматриваемый период. В целом по отрасли они составили 0,45 руб. (-0,19 руб. к 2020 г.). По видам экономической деятельности затраты распределились следующим образом: добыча каменного угля – 0,44 руб. (-0,18 руб. к 2020 г.), добыча бурого угля – 0,42 руб. (-0,17 руб. к 2020 г.), обогащение угля – 0,83 руб. (без изменений) и смешанные виды деятельности – 0,4 руб. (-0,22 руб. к 2020 г.). В 2021 г. число юридических лиц с отрицательным коэффициентом общей рентабельности снизилось по сравнению с 2020 г. более чем в 2,3 раза.

На рост выручки в 2021 г. повлияло восстановление экономической активности в посткризисный период, которое привело к росту спроса на электроэнергию и, как следствие, спроса на уголь [13, с. 8]. В частности, выручка юридических лиц, которые осуществляют добычу бурого угля, являющегося ресурсом для тепло- и электроэнергетики, в 2021 г. увеличилась на 35 млрд руб. (+36,9% к 2020 г.). Улучшилось и финансовое состояние субъектов МСП, наиболее пострадавших в период кризиса (падение их выручки в 2020 г. было на 3,9 процентных пункта выше, чем у остальных юридических лиц). Полученная субъектами МСП в 2021 г. выручка увеличилась практически в три раза по сравнению с прошлым годом, в то время как выручка остальных юридических лиц увеличилась только в два раза.

Очевидна неравномерность распределения бремени экономических последствий кризиса среди субъектов предпринимательской деятельности. Краткосрочные последствия заключались в ухудшении операционных, финансовых и инвестиционных показателей деятельности предприятий. Некоторые предприятия не сумели адаптироваться к неблагоприятным условиям, в результате чего оказались несостоятельными и были ликвидированы. Другие предприятия, несмотря на тотальный дефицит денежных средств, нашли способ преодолеть кризис. Основываясь на результатах проведенного анализа, разработан комплекс мер, нацеленных на сохранение устойчивости функционирования предприятий угольной промышленности в условиях аналогичных кризисов, которые могут возникнуть в будущем.

МЕРЫ СОХРАНЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ

Из проведенного анализа следует, что финансовое состояние отрасли ухудшилось под воздействием основных и комплементарных факторов кризиса. Одной из причин этого послужило отсутствие четко проработанных ал-

горитмов поведения в подобных ситуациях. Управленческие решения зачастую принимались постфактум, то есть после наступления неблагоприятного исхода. Причем эти решения были основаны на эвристических методах, поскольку время для выработки формальных решений было ограничено. От реакции хозяйствующих субъектов на кризис зависят не только краткосрочные, но и долгосрочные последствия. Чтобы эти последствия стали наиболее благоприятными, при принятии решений нужно руководствоваться наиболее эффективными практиками. Представлено схематическое обобщение таких практик на случай подобных кризисов в будущем (рис. 2).

Представленная схема иллюстрирует комплекс мер, нацеленных на сохранение устойчивости работы предприятия путем влияния на структуру и величину денежных потоков от операционной, финансовой и инвестиционной деятельности. Решение о применении той или иной меры должно быть рациональным и основываться на анализе финансово-хозяйственной деятельности предприятия, частоту проведения которого рекомендуется повысить в кризисный период. Крайне не рекомендуется принимать такие кардинальные меры, как сокращение численности работников, сокращение объема инвестиций в новые проекты, вывод из эксплуатации части активов или их консервация. Долгосрочные последствия таких мер могут оказаться катастрофическими для отрасли [16, с. 581; 17, с. 7].

Если же предприятие находится в критической ситуации, возможна государственная поддержка. Такая поддержка должна быть адресной, направленной на удовлетворение запросов тех предприятий, которые пострадали именно из-за комплементарных факторов кризиса. Информирование об удовлетворении таких запросов должно быть прозрачным [18, с. 37]. Поддержка может оказываться с условием соблюдения ряда требований: сохранение штата работников, сокращение или отсрочка премий административно-управленческому персоналу, отмена дивидендных выплат [19, с. 9; 20, с. 42].

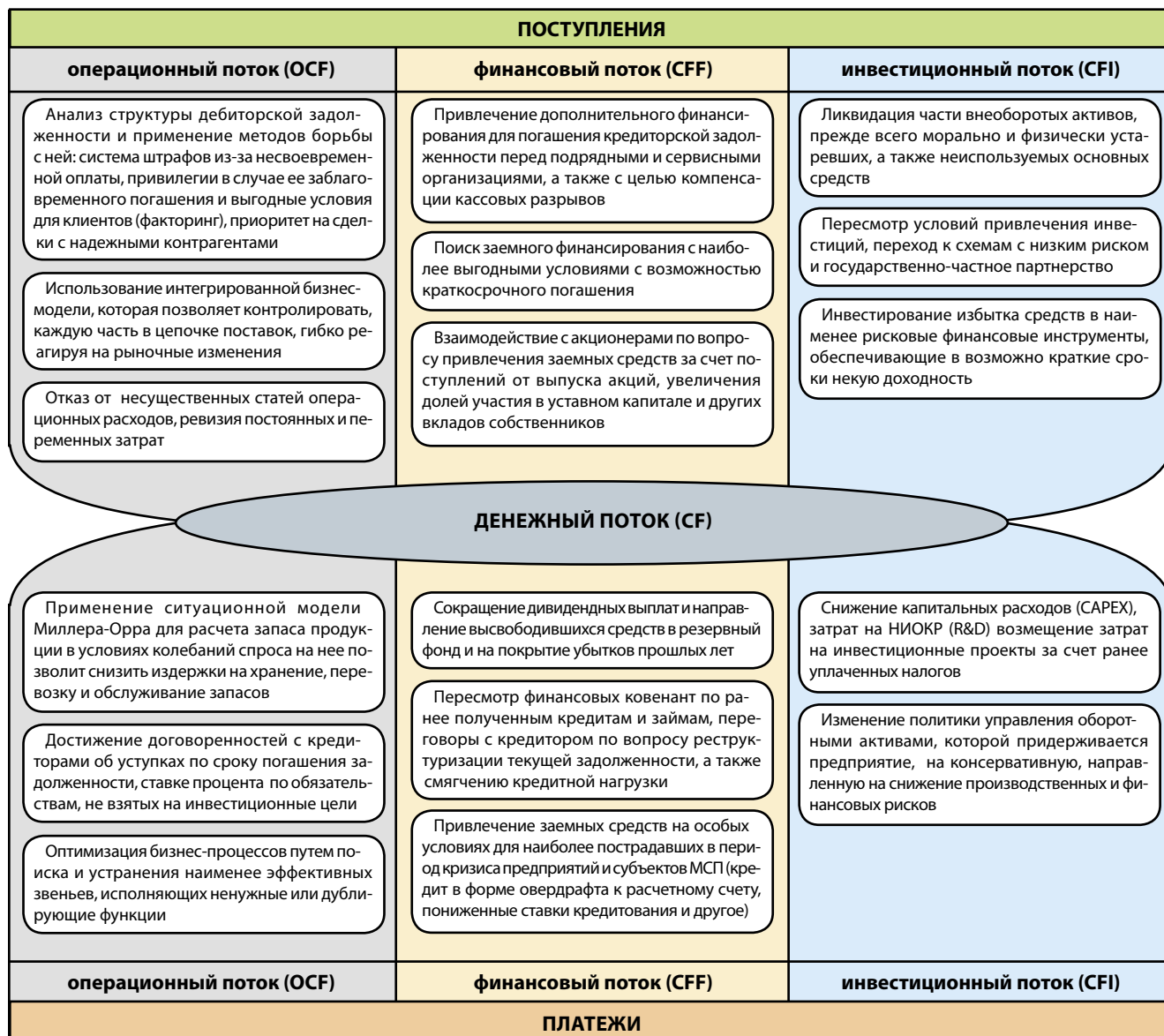
ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ финансового состояния позволил выявить группы компаний, наиболее пострадавших в период кризиса:

- компании со смешанным видом деятельности. Выручка таких компаний в 2020 г. снизилась на 15%, а себестоимость продаж – только на 8%. Около 65% таких компаний оказались убыточными. Совокупный чистый убыток компаний в этой группе практически достиг 36 млрд руб.;

- компании по добыче каменного угля. Их выручка в 2020 г. упала на 25,9%, а себестоимость продаж – только на 10,6%. Более половины этих компаний в 2020 г. получили чистый убыток. Совокупный чистый убыток компаний по добыче каменного угля в 2020 г. превысил 23,2 млрд руб.;

- субъекты МСП. Выручка субъектов МСП в 2020 г. упала на 22,4%, а себестоимость продаж – только на 12,6%. Около 56% организаций в этом году были убыточными. Совокупный чистый убыток субъектов МСП составил 1,8 млрд руб. Однако существенного влияние на отрас-

Источник: составлено авторами самостоятельно с использованием источников [14, 15].

Рис. 2. Схема мероприятий по управлению денежными потоками в период кризиса

левой результат субъекты МСП не оказали, поскольку, несмотря на большое количество таких субъектов, их доля в общем объеме выручки по отрасли не превышает 2%.

С учетом специфики кризиса разработана схема управления денежными потоками компаний, позволяющая минимизировать воздействие основных и комплементарных факторов кризиса на денежные потоки от операционной, финансовой и инвестиционной деятельности. Результаты работы будут полезны не только финансовым специалистам предприятий отрасли, но и директивным органам при выработке мер поддержки в случае возникновения аналогичных кризисов в будущем.

Список литературы

1. Петренко И.Е. Итоги работы угольной промышленности России за 2021 год // Уголь. 2022. № 3. С. 9–23. DOI: 10.18796/0041-5790-2022-3-9-23.

2. Рожков А.А., Лозинская М.А. Оценка стратегических рисков для российской угольной промышленности / Сборник избранных научных статей и материалов IV Международной научно-практической конференции. М.: Издательство: Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС». 2022. С. 86-96.

3. Плакиткина Л.С., Плакиткин Ю.А. Парижское соглашение по климату, Covid-19 и водородная энергетика – новые реалии добычи и потребления угля в странах ЕС и Азии в период до 2040 года // Горная промышленность. 2021. № 1. С. 83-90.

4. Modern conditions and prospects of Russia's coal mining industry development / V. Samarina, T. Skufina, A. Samarin et al. // Espacios. 2019. Vol. 40. No 16. P. 6.

5. Shinkevich A.I., Kudryavtseva S.S., Ershova I.G. Modelling of energy efficiency factors of petrochemical industry // International Journal of Energy Economics and Policy. 2020. No 10 (3). P. 465-470.

6. Малышев Ю., Ковальчук А., Рожков А. Угольная отрасль: поиск ориентиров в эпоху перемен // Энергетическая политика. 2021. № 2. С. 18-29.
7. Современные тенденции развития угольной промышленности с учетом влияния пандемии / А.М. Лялин, А.В. Зозуля, Т.Н. Еремина и др. // Уголь. 2021. № 5. С. 62–65. DOI: 10.18796/0041-5790-2021-5-62-65.
8. Новоселов С.В. Альтернативные подходы и дискуссионные вопросы при проектировании шахт нового поколения уровня 2035 года // Уголь. 2019. № 1. С. 37-39. DOI: 10.18796/0041-5790-2019-1-37-39.
9. Чернова О.А. Стрессовые факторы устойчивого развития угольной промышленности России // Journal of Applied Economic Research. 2022. № 1. С. 49-78.
10. Дагилис Е.В. Влияние пандемии коронавируса на российский экспорт энергетического угля // Российский внешнеэкономический вестник. 2020. № 9. С. 106-114.
11. Краснянский Г.Л., Сарычев А.Е. Влияние пандемии COVID-19 на мировой рынок энергетического угля // Экономика и управление: проблемы, решения. 2020. № 12. С. 147-152.
12. Государственный информационный ресурс бухгалтерской (финансовой) отчетности. ФНС России. URL: <https://bo.nalog.ru/> (дата обращения: 15.10.2022).
13. Чурсин М., Ананич И. Уголь: закат или ренессанс? // Энергетическая политика. 2022. № 3. С. 4-13.
14. Adriana-Mihaela Ionescu, Ramona-Alexandra Neghina. Management of Cash Flows during Covid-19 // Journal of Eastern Europe Research in Business and Economics. 2021. Vol. 2021. Article ID 870762.
15. Hofmann E., Templar Simon, Rogers Dale, Choi Thomas Y., Leuschner Rudolf, Korde Rohan Y. Supply Chain Financing and Pandemic: Managing Cash Flows to Keep Firms and Their Value Networks Healthy (April 1, 2021) // Rutgers Business Review. 2021. Vol. 6. No. 1. pp. 1-23. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3832036> (accessed 15.10.2022).
16. Laing T. The economic impact of the Coronavirus 2019 (Covid-2019): Implications for the mining industry // The extractive industries and society. 2020. Vol. 7. No 2. P. 580-582.
17. Parra P.Y., Hauenstein C., Oei P.Y. The death valley of coal – Modelling COVID-19 recovery scenarios for steam coal markets // Applied Energy. 2021. No 288.
18. Oei P.Y., Yanguas-Parra P.A., Hauenstein C. COVID-19 – Final Straw or Deathblow for a Global Coal Industry at the Verge of Collapse, IAEE COVID-19 Special Issue 2020.
19. Campbell B. Corporate influence and the global pandemic – reflections from the mining sector // Revista Brasileira de Política Internacional [online]. 2022. Vol. 65. No 1. Available at: <https://doi.org/10.1590/0034-7329202200101> (accessed 15.10.2022).
20. Костюхин Ю.Ю. Повышение производительности труда в угольной отрасли // Горный журнал. 2016. № 10. С.41-44.

Original Paper

UDC 338.45.97 © D.Yu. Savon, A.E. Safronov, N.O. Vikhrova, G.V. Kruzhkova, M.S. Goncharov, 2022
 ISSN 0041-5790 (Print) • ISSN 2412-8333 (Online) • Ugol' – Russian Coal Journal, 2022, № 11, pp. 62-68
 DOI: <http://dx.doi.org/10.18796/0041-5790-2022-11-62-68>

Title

IMPACT OF THE CRISIS ON THE FINANCIAL PERFORMANCE OF THE COAL INDUSTRY

Authors

Savon D.Yu.¹, Safronov A.E.², Vikhrova N.O.¹, Kruzhkova G.V.¹, Goncharov M.S.¹

¹ National University of Science and Technology "MISIS" (NUST "MISIS"), Moscow, 119049, Russian Federation

² FGBOU VO "Don State Technical University", Rostov-on-Don, 344010, Russian Federation

Authors information

Savon D.Yu., Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Industrial Management, e-mail: di199@yandex.ru

Safronov A.E., Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Management and Business Technologies, e-mail: reception@dstu.edu.ru

Vikhrova N.O., PhD (Economic), Associate Professor of the Department of Economics, e-mail: natalia.vikhrova@yandex.ru

Kruzhkova G.V., PhD (Economic), Associate Professor of the Department of Engineering Cybernetics, e-mail: g.kruzhkova@misis.ru

Goncharov M.S., postgraduate student, e-mail: GovMaxim@outlook.com

Abstract

The aim of the work is to develop measures to support the coal industry during non-systemic crises, one of which was the 2020–2021 crisis caused by the COVID-19 pandemic. The object of the study is the Russian coal industry as a set of enterprises engaged in the extraction and enrichment of coal. The subject of the study is the impact of the crisis on the financial result of the industry. The paper identifies and systematizes the factors of the crisis and analyzes its impact on the financial result of the industry and individual groups of enterprises. Groups of enterprises were identified, the financial results of which deteriorated the most. Based on the results of the analysis, a cash flow management scheme was proposed, aimed at minimizing the negative impact of the crisis on operating, financial and investment activities.

Keywords

Russian coal industry, COVID-19 pandemic, Crisis factors, Financial result, Cash flows.

References

1. Petrenko I.E. Russia's coal industry performance for January – December, 2021. *Ugol*, 2022, (3), pp. 9–23. (In Russ.). DOI: 10.18796/0041-5790-2022-3-9-23.
2. Rozhkov A.A. & Lozinskaya M.A. Assessment of strategic risks for the Russian coal industry. Collection of selected scientific articles and materials of the IV International Scientific and Practical Conference. Moscow, National Research Technological University «MISIS» Publ., 2022, pp. 86-96. (In Russ.).
3. Plakitkina L.S. & Plakitkin Yu.A. The Paris climate agreement, Covid-19 and hydrogen energy are the new realities of coal production and consumption in the EU and Asia until 2040. *Gornaya promyshlennost'*, 2021, (1), pp. 83-90. (In Russ.).
4. Samarina V., Skufina T., Samarin A. & Ushakov D. Modern conditions and prospects of Russia's coal mining industry development. *Espacios*, 2019, Vol. 40, (16), pp. 6.
5. Shinkevich A.I., Kudryavtseva S.S. & Ershova I.G. Modelling of energy efficiency factors of petrochemical industry. *International Journal of Energy Economics and Policy*, 2020, (10), pp. 465-470.

6. Malyshev Yu., Kovalchuk A. & Rozhkov A. Coal industry: search for landmarks in an era of change. *Energeticheskaya politika*, 2021, (2), pp. 18-29. (In Russ.).
7. Lyalin A.M., Zozulya A.V., Eremina T.N. & Zozulya P.V. Current trends in the development of the coal industry, taking into account the impact of the pandemic. *Ugol*, 2021, (5), pp. 62-65. (In Russ.). DOI: 10.18796/0041-5790-2021-5-62-65.
8. Novoselov S.V. Alternative approaches and controversial issues in the design of new mines generation level 2035. *Ugol*, 2019, (1), pp. 37-39. (In Russ.). DOI: 10.18796/0041-5790-2019-1-37-39.
9. Chernova O.A. Stress factors for the sustainable development of the Russian coal industry. *Journal of Applied Economic Research*, 2022, (1), pp. 49-78. (In Russ.).
10. Dagilis E.V. Impact of the coronavirus pandemic on Russian exports of thermal coal. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik*, 2020, (9), pp. 106-114. (In Russ.).
11. Krasnyansky G.L. & Sarychev A.E. Impact of the COVID-19 pandemic on the global thermal coal market. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*, 2020, (12), pp. 147-152. (In Russ.).
12. State information resource of accounting (financial) statements. The Federal Tax Service of Russia. Available at: <https://bo.nalog.ru/> (accessed 15.10.2022). (In Russ.).
13. Chursin M. & Ananich I. Coal: sunset or renaissance? *Energeticheskaya politika*, 2022, (3), pp. 4-13. (In Russ.).
14. Adriana-Mihaela Ionescu & Ramona-Alexandra Neghina. Management of Cash Flows during Covid-19. *Journal of Eastern Europe Research in Business and Economics*, 2021, (2021), Article ID 870762.
15. Hofmann E., Templar Simon, Rogers Dale, Choi Thomas Y., Leuschner Rudolf & Korde Rohan Y. Supply Chain Financing and Pandemic: Managing

- Cash Flows to Keep Firms and Their Value Networks Healthy (April 1, 2021). *Rutgers Business Review*, 2021, Vol. 6, (1), pp. 1-23. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3832036> (accessed 15.10.2022).
16. Laing T. The economic impact of the Coronavirus 2019 (Covid-19): Implications for the mining industry. *The extractive industries and society*, 2020, Vol. 7, (2), pp. 580-582.
17. Parra P.Y., Hauenstein C. & Oei P.Y. The death valley of coal – Modeling COVID-19 recovery scenarios for steam coal markets. *Applied Energy*, 2021, (288).
18. Oei P.Y., Yanguas-Parra P.A. & Hauenstein C. COVID-19 – Final Straw or Deathblow for a Global Coal Industry at the Verge of Collapse, IAEE COVID-19 Special Issue 2020.
19. Campbell B. Corporate influence and the global pandemic – reflections from the mining sector. *Revista Brasileira de Política Internacional [online]*, 2022, Vol. 65, (1). Available at: <https://doi.org/10.1590/0034-7329202200101> (accessed 15.10.2022).
20. Kostyukhin Y.Y. Increasing labor productivity in the coal industry. *Mining Journal*, 2016, (10), pp. 41-44. (In Russ.).

For citation

Savon D.Yu., Safronov A.E., Vikhrova N.O., Kruzhkova G.V. & Goncharov M.S. Impact of the crisis on the financial performance of the coal industry. *Ugol*, 2022, (11), pp. 62-68. (In Russ.). DOI: 10.18796/0041-5790-2022-11-62-68.

Paper info

Received August 2, 2022
 Reviewed September 29, 2022
 Accepted October 26, 2022

РЕКЛАМА

НПП ЗАВОД МДУ

ООО НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ
**«ЗАВОД МОДУЛЬНЫХ
 ДЕГАЗАЦИОННЫХ УСТАНОВОК»**

**ОБОРУДОВАНИЕ
 ДЛЯ ДЕГАЗАЦИИ И УТИЛИЗАЦИИ
 МЕТАНА**

МЕТАН ПОД КОНТРОЛЕМ!

РОССИЯ
 Г. НОВОКУЗНЕЦК
 ШОССЕ СЕВЕРНОЕ, 8

WWW.ZAVODMDU.RU
 INFO@ZAVODMDU.RU
 ТЕЛ.: +7 (3843) 991-991

Где растут поставки угля

В последние месяцы Россия увеличивала поставки угля в Китай. В августе 2022 г. они выросли на 57% по сравнению с аналогичным периодом 2021 г., до 8,542 млн т, достигнув максимума по крайней мере за последние пять лет, свидетельствуют данные Главного таможенно-управления КНР. Данные за сентябрь пока не публиковались. При этом российский уголь в Китае занимает место индонезийского и австралийского, который теперь идет в большем количестве на Европу, рассказывала в интервью председатель совета директоров угольного производителя «Колмар» Анна Цивилева.